

являются в конструкции дома второстепенными и показывают только индивидуальную особенность того или иного жилого дома, зависят от местных условий.

Автор подразделяет все сельские жилые дома на два основных типа: «ветхончип» — дом, в котором под основной балкой находятся все жилые помещения; «рентхончип» — дом, в котором под основной балкой находятся два ряда параллельно расположенных жилых помещений.

В свою очередь, эти два основных типа автор подразделяет на «подтипы» в зависимости от их устройства, вида комнат и изменения взаимосвязи основной балки с плоскостным устройством. Дома типа «ветхончип»: «вечхэчип» — многоквартирный дом; «санхэчип» — два многоквартирных дома, расположенных друг против друга, но входящих в один жилой ансамбль; «кокымчип» — жилые дома глаголеобразной и П-образной формы; «твариичип» — жилые дома квадратной формы. Дома типа «рянтхончип»: «сечёнчип» — дом, в котором под одной крышей комнаты размещены в три ряда, причем параллельно. Не совсем понятны мотивы выделения в отдельные «подтипы» домов с прихожей и домов без прихожей. Автор сам признает, что наличие прихожей зависит только от климатических условий и материальных возможностей владельца.

В главе «Использование и оборудование каждой комнаты» дается характеристика устройства комнат и определяется роль каждой из них в жизни семьи. Исходя из анализа бытовых условий, Ли Чон Мок разделяет все жилые помещения и постройки на две группы: 1) жилые комнаты и кухни; 2) хозяйственные или подсобные помещения. Строгая планировка жилых помещений и кухни в корейском доме является одной из его особенностей.

Ли Чон Мок особо выделяет «большую» комнату (кхынбан). В домах типа «ветхончип» «большой» комнатой называют обычно «нижнюю» комнату (арэбан — любая комната, смежная с кухней). Комнату такого типа иногда называют «внутренней» комнатой (анбан). Из хозяйственных или подсобных построек автором рассмотрены сарай, навес, кладовые и пр.

В монографии подробно рассмотрено устройство окон и дверей. Приводится много схем, диаграмм и другого иллюстративного материала.

Очень жаль, что автор не проследивает связей корейского жилища с жилищем соседних народов; не дает анализа этимологии названий комнат и домашней утвари; не дает словаря терминов по корейскому жилищу. При рассмотрении «кудыль», или «теплого» пола, древнейшего самобытного вида корейского национального отопления, следовало бы показать, в чем его отличие от китайского кана и от отапливаемых нар тунгусо-маньчжурских народов.

Тем не менее, монография Ли Чон Мока представляет для советских этнографов большой интерес.

А. Юнников

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Helmut Reim. *Die Insektennahrung der Australischen Ureinwohner*. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, Heft 13, Berlin, 1962, 159 стр.

Книга Хельмута Райма посвящена одной из важнейших проблем в истории хозяйства — питанию первобытного человека. Избрав предметом своего исследования питание в обществе австралийских аборигенов, в XIX—XX вв., автор сосредоточил свое внимание на наименее изученном, но важном виде пищи — на потреблении насекомых (энтомофагии).

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена характеристике главных видов насекомых, употребляемых в пищу, и их распространению, вторая часть — месту и значению насекомых в хозяйстве и питании австралийцев. Выясняется, что энтомофагия играет большую роль в питании австралийцев потому, что она удовлетворяет их потребность в жирах и сахаросодержащих веществах. Поэтому энтомофагия незаменима в местных неблагоприятных природных условиях. Оценивая ее значение, автор посвящает первую главу второй части книги питанию аборигенов в целом, характеризуя его с различных сторон; он показывает в частности, как влияет добывание пищи в различных географических условиях и в разное время года на социально-экономические отношения у аборигенов, на размеры их производственных коллективов и т. д. Так, например, изобилие пищи в каком-либо месте обычно способствует концентрации людей в большие группы, тогда как в остальное время года локальные группы — основные хозяйственные коллективы, как правило, невелики.

Большой интерес представляют сообщения о попытках аборигенов сохранять пищу впрок, особенно в пустынях Западной Австралии, где умение сохранять пищу помогало людям выжить в крайне трудных условиях. Однако такие попытки в общем мало характерны для австралийцев. Автор противопоставляет австралийцам индейцев Калифорнии, у которых, в отличие от первых, более развитые способы сохранения пищи способствовали появлению временной, иногда довольно продолжительной оседлости в усло-

виях, в сущности, того же, что и у австралийцев, «присваивающего» хозяйства. Более высокий уровень развития производительных сил и умение запасать пищу впрок способствовали и более высокой плотности населения у калифорнийских индейцев сравнительно с австралийскими аборигенами (стр. 80—89). Однако автор допускает ошибку, полагая, что умение консервировать пищу в больших размерах бесполезно для австралийцев, так как оно мешало бы их бродячему образу жизни и, следовательно, несовместимо с последним. Он утверждает, что обыкновение австралийцев во время неподолжительного изобилия некоторых видов пищи потреблять ее в невероятно больших количествах — это своеобразный способ запастись пищу в условиях бродячего образа жизни (стр. 98). Автор не понимает, что совершенствование способов сохранения пищи у охотников и собирателей — одно из условий возникновения оседлости, а не наоборот.

Последние главы книги посвящены способам добывания насекомых, употребляемых в пищу, и месту, которое этот вид хозяйственной деятельности занимает в системе межполового разделения труда у австралийских аборигенов. В первой из указанных глав автор дает подробную и ценную сводку многообразных приемов добывания насекомых и рассматривает употребляемые при этом орудия, из которых важнейшими являются каменные топоры. Рассмотрены и способы приготовления пищи. В следующей главе автор приходит к выводам, представляющим большой интерес для понимания экономики австралийского общества. Рассмотрев хозяйственные функции мужчин и женщин в различных районах, у разных групп австралийцев, автор возражает против традиционной схемы, отчетливо сформулированной А. Кнабенхансом еще в 1917 г.: «Повсюду (у австралийцев, бушменов, огнеземельцев, ведда и других отсталых народов. — В. К.) мы находим характерное разделение хозяйства на две основных отрасли — охоту и собирательство, причем охотой заняты исключительно мужчины, а собирательством — преимущественно женщины»¹. Факты показывают, что в действительности и женщины в некоторых районах Австралии заняты охотой, однако, это охота преимущественно на небольших животных, скрывающихся в норах или в дуплах деревьев. Такая охота (автор называет ее «низшей охотой») совместима с собиранием растительной пищи и соответствует физическим возможностям женщин, а также, можем мы добавить, и их образу жизни, обусловленному в значительной степени воспитанием детей. Автор справедливо возражает и Б. Малиновскому, который сравнивал участие женщин в Австралии с участием рабынь, которых их хозяева-мужчины заставляли выполнять самую тяжелую работу. Нет ничего более искажающего действительную картину. Мужчины и женщины в обществе австралийских аборигенов экономически равноправны (хотя взрослые мужчины и занимают руководящее положение), и труд между ними в сфере добывания пищи поделен в соответствии с их возможностями. Не эксплуатация одних другими, а кооперация труда характеризует общество австралийцев. В количественном отношении женщины добывают больше пищи, чем мужчины, и добывается она более регулярно, однако охотничья добыча мужчин ценится выше, а добывание ее требует более развитых технических приемов и более совершенных орудий. Труд женщин в добывании пищи характеризуется большей экстенсивностью, труд мужчин — большей интенсивностью (стр. 138). Участие мужчин и женщин в добывании насекомых (а также меда) определяется тем же правилом, которое распространяется и на добывание других видов пищи — то, что требует большей концентрации физических усилий, добывается мужчинами, а то, что не требует такой концентрации, добывается женщинами.

Таковы главные выводы, к которым приходит автор, и с ними можно в основном согласиться, если иметь в виду только область добывания пищи. Потому что далеко не все в разделение труда между мужчинами и женщинами можно объяснить физическими возможностями тех и других, например, изготовление орудий. Производят орудия, особенно каменные, почти исключительно мужчины, хотя, с точки зрения физических возможностей, это вполне доступно женщинам. Очевидно, что гипотеза автора не имеет универсального значения и некоторые важные явления в разделение труда у австралийцев требуют иного объяснения.

Межполовое разделение труда первоначально возникло на основе физиологических различий между людьми. Но общество австралийцев XIX—XX вв. уже очень далеко отстоит от этого первоначального состояния.

Все же, несмотря на отмеченные недостатки, книга Х. Райма — полезная и нужная книга.

В. Кабо

¹ A. Knabenhans, Arbeitsteilung und Kommunismus im australischen Nahrungserwerb. Festschrift E. Hahn zum LX Geburtstag. Stuttgart 1917, стр. 74.